

Н. Я. МАРР И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Советская историческая наука, последовательно применяя методологию марксизма-ленинизма и указания Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина по основным вопросам истории древнего мира, достигла весьма многого в изучении древней истории. Советские историки подвергли многократной критике буржуазную научную литературу по истории древнего мира и вместе с тем дали исследования ряда проблем по истории первобытно-общинного строя, истории древнего Востока, древней Греции, Рима, Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Правдиво и по-большевистски партийно исследуется ими история классовой борьбы, прежде всего история революции рабов, ликвидировавшей рабовладельцев и отменившей рабовладельческую форму эксплуатации. Советские ученые разоблачили ненаучность взглядов буржуазных историков на историю человечества как на циклический процесс, показали несостоятельность и реакционную сущность модернизации обществ древнего мира, сентиментально-восторженных оценок античной демократии, идеализации культуры древности и т. п. Достижения нашей науки стали возможными также и потому, что одновременно по принципиально новым марксистско-ленинским путям шло развитие дисциплин, смежных с историей древности, — археологии, лингвистики, этнографии, искусствоведения и других наук, достижения которых оказывают весьма существенную помощь историкам древнего мира.

Однако использование достижений смежных дисциплин нельзя считать достаточным, особенно когда мы обращаемся к такому крупному завоеванию советской науки, как работы Н. Я. Марра по языку. Труды Н. Я. Марра представляют для историка древности большое значение не только в их лингвистической части, но и в археологической, исторической, искусствоведческой и литературоведческой. Разумеется, самое основное в наследии Н. Я. Марра, что может сыграть существенную роль в исследованиях историка древности, это — новое учение о языке, созданное им в советскую эпоху и проложившее новые пути к пониманию исторических явлений. Новое учение о языке Н. Я. Марра представляет для историка древности большое значение не только в окончательном его виде, но и на ранних этапах развития, как теория, рождавшаяся в борьбе с положениями буржуазной науки. Теория, названная Н. Я. Марром первоначально яфетической, в процессе своего развития доказала антинаучность буржуазной лингвистики и археологии и тем самым подорвала многие основные положения буржуазной истории древности. Вместе с тем исследования Н. Я. Марра показали, что старая лингвистика занималась вопросами языка отвлеченно, формально, без увязки с историей и историей материальной культуры, а буржуазная археология иссле-

довала памятники материальной культуры без использования данных языка. Это приводило к выводам, весьма далеким от истины.

Учение Н. Я. Марра о языке зародилось в 80-х годах XIX в., когда молодой ученый был еще студентом Петербургского университета. Небольшая заметка под заглавием «Природа и особенности грузинского языка», напечатанная в грузинской газете «Иверия» (1888 г.), положила начало яфетической теории. Основная мысль этой статьи — о родстве грузинского языка с семитическими — противоречила утверждению буржуазной науки относительно изолированности кавказских или, как позднее называл их Н. Я. Марр, яфетических языков. В 90-х гг. Н. Я. Марр связывал грузинский язык с армянским, числившимся в семье индоевропейских языков. Армянский язык, по Н. Я. Марру, оказался родственным грузинскому, так как в нем были обнаружены элементы яфетических языков. Лингвистические изыскания Н. Я. Марра были теснейшим образом связаны с изучением памятников материальной культуры, письменности, этнографии и живых языков Кавказа, Передней Азии и мертвых классических языков. Отсюда и тот необычный путь развития яфетической теории, которым были достигнуты предпосылки для перехода на позиции материализма. О длинном пути развития своей теории Н. Я. Марр уже в 1926 г. писал, что «яфетическое языкознание отнюдь не вылетало подобно Афине-Палладе из головы Зевса: 1) оно родилось в той же буржуазно сложенной и скроенной научной среде, более того — зачалось, разумеется, как антитеза, в нормах индоевропейской лингвистики, без которой его и не было бы, и 2) с трудом высвобождается в последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически научной работы (Н. Я. Марр, Избранные работы, т. I, стр. 222).

Еще до Великой Октябрьской социалистической революции Н. Я. Марр шел по направлению, методологически все больше отдалявшему его от буржуазных историков и лингвистов. Это позволило Н. Я. Марру давать объяснения, открывавшие новые пути для науки. Таким именно образом, например, он добился нового объяснения языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей, связав этот язык не с мертвыми, а с живыми яфетическими языками Кавказа. Для буржуазной науки было необычно обращение к материалам живых языков при изучении древних. Но в яфетической теории уже выкристаллизовывалось положение, что в живых языках часто сохраняются факты более архаичные, чем в древнеписьменных. Также успешны были результаты изучения урартского языка в связи с языками яфетического Кавказа и в увязке с историей материальной культуры. Оказалось, что по языку и культурно-исторически урарты — предшественники армян и грузин, в языках и культуре которых пержиточно сохранилось идущее от урартов.

Начав с исследования языков и материальной культуры Армении, Грузии и других народов Кавказа, Н. Я. Марр постепенно расширял круг языковых, археологических и других материалов. Это было, в частности, обусловлено и его стремлением решить вопросы, связанные с крито-микенской культурой, этрусками, иберами, басками и скифо-сарматским миром. Исследование ряда языков привело Н. Я. Марра к заключению о наличии когда-то, в глубокой древности, задолго до греков и римлян, большого мира яфетических языков и племен. В эту эпоху и был создан тот общественный и материальный субстрат, на котором выросли культуры древнего Востока, Греции, Рима. Свои выводы в этом направлении Н. Я. Марр суммировал в ряде работ, из которых наиболее характерными являются «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры» (1920 г.) и «Яфетиды» (1922 г.). Все более

расходясь с буржуазной наукой по вопросам древней истории, археологии и лингвистики, Н. Я. Марр, однако, и в этот период своих исканий в значительной мере еще пользовался формальными методами языкового анализа, теориями миграций и влияний, не вполне отделял антропологические особенности от языковых и т. д. Весь долгий период научных изысканий Н. Я. Марра, длившийся до 1923 г., весьма поучителен для историка древности, так как конкретно показывает, что именно из основных положений буржуазной науки мешало ему двигаться вперед. Это расовая теория, теория миграций, влияний и заимствований, теория языковых семейств, идущих от праязыков, — вот чем приходилось пользоваться Н. Я. Марру и с чем приходилось бороться под давлением им же открывавшихся фактов.

Переломный момент в развитии теории Н. Я. Марра уже на основе марксизма-ленинизма нашел свое первое, яркое отражение в небольшом документе, похожем на лингвистический манифест, — в статье «Индоевропейские языки Средиземноморья» (1924 г.). «Утверждаю, — пишет Н. Я. Марр, — что индоевропейской семьи языков расово отличной не существует. Индоевропейские языки Средиземноморья никогда и ниоткуда не являлись ни с каким особым языковым материалом, который шел бы из какой-либо расово особой семьи языков или тем менее восходил к какому-либо расово особому праязыку. Кстати, вначале был не один, а множество племенных языков, единый праязык есть сослужившая свою службу научная фикция. Индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной, скрещенной, вызванной переворотом в обществуности в зависимости от новых форм производства, связанных, повидимому, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве, может быть и в сопутствии приводящих пермутаций физической среды; индоевропейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий, по материалам же, а пережиточно и по многим конструктивным частям, это — дальнейшее состояние тех же яфетических языков, в Средиземноморье — своих или местных, на определенной стадии их развития, в общем новая по строю формация» (Избранные работы, т. I, стр. 185). В течение десяти последних лет Н. Я. Марр твердо осуществлял намеченный план. Основные положения, сформулированные в цитированной статье, целиком направлены против буржуазной науки. Категорическое отрицание теории праязыка и связи языка с расой прямо касается и историков древности. Все без исключения буржуазные историки признают «родство» греческого и латинского языков, идущее от фиктивного индоевропейского праязыка, родство также и расовое, идущее от мнимых праиндоевропейцев — арийцев. Выдвижение Н. Я. Марром теории стадийности и скрещенности языков, несомненно, открывает правильный, с точки зрения марксизма-ленинизма, путь к пониманию того, почему, например, существуют между греческими и латинскими языками лексические сходства и расхождения. Согласно учению Н. Я. Марра, индоевропейские языки явились порождением новых хозяйственно-общественных условий. Они развивались на базе яфетической стадии, от которой сохранились реликты (например, этрусский и баскский языки) и реликтовые элементы (в кельтских, германских и других). Вскрытие таких противоречий в развитии языков Н. Я. Марром должно заставить историков древности пересмотреть вопрос о предшественниках греков и римлян, об их связях с варварскими народами, о скрещенности культур и т. п.

Проблема стадийности вызвала настоятельную необходимость заняться вопросом о происхождении языка. Исходя из положений марксизма-ленинизма о происхождении языка, обратившись одновременно

к данным яфетических языков, наиболее сохранившим архаические пережитки, к этнографии и памятникам материальной культуры, Н. Я. Марр раскрывает картину возникновения языка в процессе труда, причем в первоначальный период в виде кинетической речи, а затем уже на более высокой стадии развития человеческого общества в форме звуковой речи. Буржуазная наука сомневается в возможности разрешить вопрос о генезисе языка. Так, американский лингвист Сепир иронически возлагает эту задачу на философов и беллетристов. Н. Я. Марру удалось дать определенный ответ на вопрос о происхождении языка, применяя созданный им палеонтологический анализ слов. Как оказалось, в звуковой речи нашли свое отражение элементы ручной речи. Вскрыто было, например, что от названия руки получали свое название орудия производства: сначала камень, затем каменные орудия, далее металлические орудия и т. д. С помощью археологических материалов, древнего письма (иероглифов), этнографических данных Н. Я. Марр проверял и укреплял свои утверждения. Тот же палеонтологический анализ дал возможность Н. Я. Марру вскрыть стадии мышления древнейшего человека и отражение различных способов мышления в семантике языка. Н. Я. Марр первый показал на основании работ Маркса и Энгельса, что язык — это реальное, практическое сознание, и установил, каким образом происходила реализация сознания. По закону расщепления понятий от одного слова происходят земля и небо, огонь и вода, мрак и свет, длинный и короткий и т. д. По закону функциональной семантики от одного слова происходят названия желудя и хлеба, собаки и ряда транспортных животных, матери и отца, и т. д. По целому назывались части: по небу — солнце, облака, светила и даже птицы. Законы семантики, вскрытые Н. Я. Марром, являются важнейшим средством для историка древности, изучающего проблемы терминологии, этнонимии, топонимии, мировоззрений, искусств. В процессе изучения несметного количества племенных, географических и иных названий, извлекаемых из письменных источников, буржуазная наука обычно идет по пути поисков формальных, фонетических совпадений и сходств. Наоборот, Н. Я. Марр пошел по пути поисков семантики, определяемой комплексным изучением этих данных.

Историк древности встречает немало трудностей при изучении вопросов истории религий и различных верований. В многочисленных исследованиях Н. Я. Марра можно встретить тонко обоснованные посредством лингвистического анализа выводы. Так, например, изучение огромных каменных рыб, так называемых вишапов, открытых в Армении и Грузии, в тесной связи с языковыми данными, к которым был применен палеонтологический анализ, привело к выводу, что эти памятники, связанные с культом воды, отражают мышление древнейшего человека.

Палеонтологический анализ дал Н. Я. Марру возможность уничтожить стены, возведенные буржуазными лингвистами между так называемыми семьями языков, мешавшие изучать связи в истории народов и племен глубиной древности. Вместе с тем палеонтологический анализ показал порочность формально-сравнительного метода изучения изолированно взятых семей языков. Палеонтологический метод дал возможность Н. Я. Марру показать единство законов языкотворчества на многообразном языковом материале.

В многочисленных исследованиях Н. Я. Марр показал, что развитие языкотворчества идет от множества языков к меньшему числу языков. Пережитками этого множества являются диалекты и наречия. Объединение племен, появление государств влекло за собой создание новых языков. В классификацию языков Н. Я. Марр внес новый принцип языковых систем. Каждой стадии соответствуют свои системы. Именно по

своей системе отличаются языки трех основных групп древнего мира: семитические, яфетические и протомеидские (индоевропейские).

Работы Н. Я. Марра уже в 20-х гг., естественно, вызвали в буржуазных научных кругах ожесточенно-отрицательное отношение. Но и у нас они встретили немало возражений вследствие наличия пережитков буржуазной лингвистики у наших языковедов. По сравнению с лингвистами в большей степени пользуются работами Н. Я. Марра историки древности, историки материальной культуры и этнографы. Открытия Н. Я. Марра дали им возможность по-новому подойти к ряду проблем и вместе с тем заметить недостатки в освещении многих вопросов истории древности.

В результате беспощадной критики Н. Я. Марром буржуазной теории праязыка, критики, показавшей крайне реакционную сущность этой теории, историки древности теперь освобождены от многих пут, мешавших им вскрыть или объяснить связи греко-римского мира с Востоком, с предшественниками греков и римлян, с народами севера и востока Европы, с народами Африки и Кавказа. Вывод Н. Я. Марра о существовании яфетической стадии в истории языков как предшественницы стадий языков флективной системы — семитических и протомеидских, выдвигает перед историками древнего мира многочисленные задачи по пересмотру значений социальной, бытовой и иной терминологии в ее исторической обусловленности. Доклад Н. Я. Марра, сделанный на всесоюзной конференции историков-марксистов «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории» (1929 г.), выдвинул в этом направлении ряд новых вопросов. Одно сопоставление Н. Я. Марром обычных слов из греческого и латинского языка, означающих: народ, рука, вода, море, огонь, хлеб, дом, человек, женщина, брат, сестра, гора, небо и т. д. показывает, что эти языки, признаваемые буржуазной лингвистикой принадлежащими к одной «семье» и происходящими от общего «праязыка», на самом деле сильно расходятся. Это расхождение говорит о большом исторически обусловленном различии в путях развития греков и римлян от их предшественников. В этой же работе Н. Я. Марр затрагивает проблемы широких связей скифского мира с другими странами.

Большой интерес в свете единства языкотворческого процесса представляет исследование Н. Я. Марра «Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений» (1930 г.). В этой работе выявляется развитие собственности от первобытно-общинного строя к классовому. Характерно, что в качестве эпиграфа к этой работе Н. Я. Марр поставил слова Энгельса: «Из-за римского рода ясно выглядывает прокез». Мысль Энгельса раскрывается на основе палеонтологического анализа местоимений и терминов собственности. Н. Я. Марр показывает историку возможности, какие дает язык даже при отсутствии иного фактического источника. Следует отметить, и это важно для историков, что Н. Я. Марр в этой статье использует материал не только греческого и латинского языка, но и яфетических языков и, наконец, русского. Кроме того, в этой работе применяется комплексное изучение, т. е. привлекаются данные археологии, истории, этнографии и т. д.

В противоположность буржуазной науке, поделившей древний мир на две группы: на народы господствующих культур (классический Восток, Греция и Рим) и народы, подвергавшиеся влияниям этих культур, Н. Я. Марр, применяя методы своего исследования, подходит к изучению культур народов древнего мира принципиально иначе.

Н. Я. Марр вскрыл своими исследованиями и реакционную сущность пресловутой теории об азиатском способе производства. Большое воздействие имели во время этих споров его слова убийственной иронии по отношению к тем исследователям, «кто доселе думает, что европейцы

созданы из другого теста, чем азиаты, ... кто доселе верит, независимо от выставляемых ими лозунгов того или иного метода, в существование особых норм восточной культуры, ... кто, следовательно, всерьез признает способы производства на Востоке иными, чем то были или *по происхождению* суть на Западе» (Избранные работы, т. III, стр. 351).

Исследования Н. Я. Марра направлены против традиции буржуазной науки, согласно которой творцами всех ценностей древнего мира были представители класса рабовладельцев. Ни в какой мере не стремясь умалить значение культуры рабовладельческих обществ, Н. Я. Марр, тем не менее, во многих из своих трудов проводит весьма важную мысль о том, что и так называемый «варварский» мир древности вложил существенную лепту в историю культуры человечества. Самый термин «варвар» не раз у него подвергается многостороннему анализу, из которого видно, что первоначально «варвар» означало просто «иноязычный», а значительную долю оттенка пренебрежительности вложили в этот термин представители буржуазной науки. Борясь с чванным отношением к миру «варваров», Н. Я. Марр в ряде своих исследований показывает, что немало вкладов как в материальную, так и духовную культуру классической древности сделали именно варвары. Господствующие классы рабовладельческого общества обогащали свою культуру руками варваров, хотя и превращали их в рабов. Советские историки и в особенности археологи уже используют эту мысль Н. Я. Марра о роли варварских народов в истории древнего мира.

В свете работ Н. Я. Марра совершенно иначе теперь должны рассматриваться вопросы идеологии. На материале древних и живых языков Н. Я. Марр показал очень ясно, как следует толковать, например, происхождение мифа о Прометее, имена Нептуна, Нимврода, Гефеста и т. п. Одинаковое общественное бытие, одинаковое общественное сознание породили независимо друг от друга мифы о Прометее, об Амиране (в Грузии), об Аберскиле (в Абхазии), о Мгере (в Армении) и т. д. Само имя Прометей идет из яфетического субстрата Эллады. Толкования мифов, названий божеств, сказочных существ и т. п., даваемые Н. Я. Марром, показывают, что объяснения посредством теорий заимствований и влияний носят не только формальный, но и реакционный характер, поскольку отрицается творческая роль масс, эксплуатируемых слоев рабовладельческого общества. Какие широкие и глубокие возможности открывают работы Н. Я. Марра в этой области, легко представить историку древности, занимающемуся вопросами античной культуры.

Исследования Н. Я. Марра значительно расширили географические горизонты историка древнего мира. Они показали, что столь важный исторический источник, как язык, дает полную возможность установить сходство между историей народов классической древности и народов советского Севера и Дальнего Востока, Китая и других частей Азии. Это важно с точки зрения изучения жизни народных масс. В этом смысле для историка древности может быть интересной небольшая работа под названием «Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи» (1927 г.). Анализ слова «вода» — стихии, имеющей особое значение в истории Востока, дает историку древности, занимающемуся вопросами культуры, материал для изучения отдельных фактов по истории экономики и культуры, определяя вместе с тем причины их схождения в весьма отдаленных областях. В том же смысле характерной является работа Н. Я. Марра «Чуваши — яфетиды на Волге» (1925 г.), в которой раскрыты опять-таки на языковом материале с привлечением археологических и исторических данных этнонимические, топонимические, культурно-исторические связи древнейшего населения Восточной Европы с древним миром, но связи не толь-

ко в смысле общения, но и в отношении одинаковых закономерностей общественного развития.

Труды Н. Я. Марра расширяют горизонты историка древности и в хронологическом отношении. Проследив в источниках по истории древности факты, не поддававшиеся раньше объяснению, наши ученые имеют возможность, пользуясь приемами Н. Я. Марра, заглянуть в глубь предшествующей истории, обращаясь к материалам языка. Так, например, буржуазных хеттологов при изучении хеттских материалов смущает то, что в хеттских языках сгруппированы различные явления, вследствие чего они близки, с одной стороны, к индоевропейским, а с другой — к семитическим и яфетическим. Между тем в данном случае историк должен исходить из того, что, как указал Н. Я. Марр, яфетические элементы в хеттских языках древнее прометеидских. Это заставит историка древности принципиально по-новому подойти к изучению хеттских проблем.

Исследования Н. Я. Марра открыли перед историками древности новые возможности решения проблем этногенеза. Вопросами этногенеза Н. Я. Марр усиленно стал заниматься с начала 20-х гг. Но особенно плодотворными стали его изыскания с той поры, когда он начал последовательно применять материалистический метод анализа, т. е. после 1924 г. По существу Н. Я. Марр в своих исследованиях охватил важнейшие узлы этногенетических проблем древнего мира. Перед историками древности теперь открыта дорога для оригинальных исследований, а также для уточнения и проверки сделанного Н. Я. Марром. Среди этногенетических проблем, изучавшихся Н. Я. Марром, привлекают особое внимание проблемы славянства, яфетических народов Кавказа, тюрко-татарских народов и народов Запада. В аспекте этногенеза Н. Я. Марром раскрыта поистине грандиозная картина изучения кимерского, скифского и сарматского миров. Это тем более важно, что при исследовании этих вопросов Н. Я. Марр отказался от предвзятого, европоцентристского подхода, столь характерного для буржуазных ученых. Н. Я. Марр показал самостоятельное значение кимерского и скифо-сарматского миров, в особенности в качестве предшественников восточных славян. Советские историки успешно занимаются проблемами этногенеза (П. Н. Третьяков, С. П. Толстов, А. Д. Удальцов и др.). Однако имеются и такие, которые подходят к этим проблемам эклектически и тем самым отстают от развития советской науки.

В своих многочисленных трудах по языку, письму, истории, археологии и литературоведению Н. Я. Марр за последнее десятилетие своей работы вел настойчивую борьбу против теорий влияний и заимствований в понимании буржуазных ученых, что имеет особое значение для исследований в области этногенеза. Н. Я. Марр утверждал, что каждый народ, подвергаясь влиянию, изменял это влияние через свое сознание. Иначе говоря, влияние это — не процесс механического восприятия, но процесс творческой переработки. Таким образом, Н. Я. Марр боролся за идею самостоятельности творчества трудящихся масс каждого народа, малого и большого. В них он видел неисчерпаемый источник энергии и инициативы, которые буржуазной наукой приписывались только господствующим классам и «историческим народам». Трудовая деятельность порабощенных и все, что являлось результатом этого труда, было предметом тщательного изучения Н. Я. Марра.

Н. Я. Марр, возглавлявший крупнейший исследовательский центр советской археологической науки — Государственную академию истории материальной культуры, требовал от археологов, чтобы при изучении памятников материальной культуры основное внимание обращалось на

их общественную функцию в соответствующую историческую эпоху. Самое определение памятника должно осуществляться, по Н. Я. Марру, с обязательным использованием данных о мировоззрении оставивших памятник людей. Только такое исследование, по мнению Н. Я. Марра, может обеспечить правильную датировку памятника, определение его места среди других, т. е. сделать его полноценным историческим источником. Много времени прошло, прежде чем эти положения, столь очевидные теперь, утвердились среди археологов и этнографов. Слишком прочными были у них старые представления о приемах работы, и Н. Я. Марр жестоко критиковал их за это. «Одни, — писал он об этнографам, — прослеживают какой-нибудь лапоть во всем мире, другие занимаются тем, к какой расе лапоть относится». Он резко обвинял археологов в «упорном игнорировании того, что говорят сами памятники, или способны были бы сказать, если бы формальный метод, как бы он ни уточнялся, не мешал специалистам-вещеводам уразуметь их (памятников) общественный смысл, их язык».

Теперь мы видим, что труд Н. Я. Марра не пропал даром, он приносит богатые плоды в области советской истории материальной культуры.

В исследованиях Н. Я. Марра сокрушительный удар нанесен и теории миграций, господствующей в буржуазной исторической науке. Не отрицая миграций как фактов, засвидетельствованных данными материальной культуры и письменности, Н. Я. Марр решительно отвергает теорию миграций как универсальное объяснение исторического процесса, представляющегося буржуазным историкам в виде постоянно сменяющихся друг друга племен и народов. В связи с этим он берет под сомнение и некоторые свидетельства письменных источников и подвергает их критике под углом зрения лингвистического анализа. Одинаково строгой критике подвергаются у него тесно связанные с теорией миграций конструкции прародин и праязыков, служащие у буржуазных ученых не подлежащими сомнению ключами к объяснению этногенеза и других важнейших проблем. В этом смысле большую ценность представляет исследование «Скифский язык» (1926 г.), выводы которого идут против буржуазных теорий о расселении восточных славян. По Н. Я. Марру, восточные славяне этнически образовались в Восточной Европе в качестве продолжения развития племен кимерской и скифо-сарматской стадий.

Действенность учения Н. Я. Марра о языке ярко сказалась и на его исследованиях по вопросам истории письмен, в особенности иероглифических и клинописных. Вскрытие стадии ручной речи в связи последней с образным мышлением дало возможность Н. Я. Марру по-новому, материалистически, подойти к истории письмен Передней Азии, Кавказа, Китая, Греции и Рима. И на этом материале им вскрываются общие законы семантики, связей языка с мышлением. Новый подход к расшифровке иероглифических и клинописных текстов с использованием яфетических живых и мертвых языков уже дал новые возможности понимания древних текстов. Методы Н. Я. Марра плодотворно использованы в трудах советских востоковедов (В. В. Струве, И. И. Мещанинов, Б. Б. Пиотровский и др.). Однако это только начало.

Пользуясь трудами Н. Я. Марра, историк древнего мира, разумеется, должен иметь в виду, что его учение непрерывно развивалось. Исходя из новых фактов и применяя методологию марксизма-ленинизма в последнее десятилетие своей научной работы, Н. Я. Марр смело опровергал и отбрасывал то, что противоречило положениям диалектического и исторического материализма. Подвергая беспощадной принципиальной критике буржуазную науку, он вместе с тем был строг и к самому себе. От-

крытая, смелая самокритика приводила его к отказу от ранее высказанных утверждений и вследствие этого — к движению вперед. Перед историками древности теперь стоит серьезная задача глубокого изучения трудов Н. Я. Марра и критического их освоения. Это необходимо для исторической науки, но вместе с тем и для лингвистики, так как таким образом историческая наука окажет большую помощь языковедам.

Исследования Н. Я. Марра отличает еще одна особенность, весьма важная для советского ученого. Н. Я. Марру чуждо преклонение перед границей. Он всегда отмечал преимущества взглядов или выводов советских ученых. Горячий патриот, он был верным последователем Ленина и Сталина. Советские историки древнего мира, пользуясь учением Н. Я. Марра о языке, его историческими, археологическими, филологическими трудами, должны всегда помнить, что мысли крупнейшего советского ученого-коммуниста Н. Я. Марра направлены прежде всего к тому, чтобы до основания разрушить все вредоносное, идущее из буржуазной историографии древности, и создать новое, передовое, творческое, основанное на методологии марксизма-ленинизма.

